

Ш.Б. МУХАМЕДОВ

К НЕКОТОРЫМ ПАРАДИГМАМ В НОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История Центральной Азии в последнее время привлекает к себе пристальное внимание мировой общественности благодаря происходящим в этом регионе сложнейшим политическим процессам.

Для того чтобы разобраться в истории развития Узбекистана и в целом Центральной Азии в настоящее время, необходимо обратить взгляд в прошлое и проследить в ретроспективе, каким образом происходили трансформационные процессы на этой территории во второй половине XIX – начале XXI века и благодаря каким факторам регион развернулся от исламского фундаментализма к светскому государству. Пройден непростой путь от средневековых исламских государств до образования независимых государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), идущих по пути создания полноценных светских и демократических стран.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд аспектов развития региона в целом и Узбекистана в частности на основе оригинального архивного материала, трудов современников и периодической печати того времени. Создание коллективных портретов эпохи – просопографии – одна из важных задач современной исторической науки. Представляют интерес и личности, которые малоизвестны, а в прошлом были на слуху. Однако необходимо вспомнить и некоторых из тех, кто был во втором эшелоне власти, но при этом активно влиял на формирование государственной политики власти в регионе.

Межконфессиональные отношения на этой территории при наличии здесь многочисленных религиозных конфессий, их взаимоот-

ношения с исламом — доминирующей религией исторически проживающих здесь народов представляют огромный практический интерес как образец толерантности древнейших этносов, проживавших на Великом шелковом пути.

Новые подходы к оценке прошлого

После обретения независимости бывшими республиками СССР перед научной общественностью этих стран с особой остротой встает вопрос о выработке новых подходов к освещению исторического прошлого. Естественно, что в одночасье потерявшая свое значение марксистско-ленинская методология исторических исследований должна была кануть в Лету. Во второй половине 90-х годов прошлого века в независимых странах бывшего СССР появляется большое количество публикаций, посвященных различным периодам истории этих государств. Естественно, что изменилась методология освещения истории в зависимости от поставленных задач государственного строительства в этих странах.

Не избежала этих «болезней роста» национального самосознания и историческая наука в Узбекистане. Прежде чем перейдем к более подробному рассмотрению основных достижений и проблем историков в нашей стране и освещению этих исследований в школьных учебниках, остановимся на таком сложном вопросе, как место исторической науки в развитии общества. Во-первых, можно ли считать эту науку идеологическим инструментом влияния на массовое сознание? И во-вторых, имели ли право национальные историки освещать историю своей страны на свое усмотрение, но объективно, или все-таки должны были советоваться, по установившейся в советское время традиции, со своими российскими коллегами в вопросах исследований, посвященных периоду вхождения этого региона в состав Российской империи и Советского государства.

Естественно, что историческая наука является мощнейшим инструментом идеологического влияния на массы. В частности, одна из современных немецких исследователей, проф. С. Попп, пишет о том, что именно историки Германии в 20–30-х годах XX века своими трудами помогли прийти к власти фашистам во главе с Гитлером¹. Итоги

¹ *Сузанне Попп. Изложение истории и общественно-политические преобразования. Ведущие концепции новейшей дидактики истории в Германии: множество, противоречивость, смена перспектив // История и самосознание III: Изложение истории в Узбекистане и Германии». Ташкент, 2008. С. 164.*

такой идеологической поддержки — это миллионы жертв и покаяние немцев перед мировым сообществом за содеянное. Ответственность историков перед обществом огромна.

Национальные историки, на мой взгляд, имеют полное право освещать историческое прошлое своих стран без оглядки на «корифеев» разных стран мирового сообщества. Однако никто не снимает с них ответственности за объективность и современность методологии их трудов. Историкам других стран необходимо профессионально оценивать эти труды, но ни в коем случае не поучать и не говорить о том, что до независимости «вы все изучали историю КПСС и хвалили партию и правительство»¹.

Историки Узбекистана в настоящее время в непрерывном поиске. Много вопросов возникает у наших специалистов при освещении колониального прошлого и периода вхождения нашей страны в состав СССР. К сожалению, историки Узбекистана очень часто освещают исторические события в нашем регионе в отрыве от основных событий, происходивших в центре. То есть отсутствует цепочка «город–регион–страна–мир». В качестве примера можно привести период существования Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917). Очень подробно рассматривают историки различные аспекты этого периода: политику, экономическую сторону, культуру того времени и т.д. Однако нет связки «регион–центр». А без этой связки сложно понять процессы, происходившие в тот период. Например, как можно оценивать кадровую политику правительства Российской империи при назначении сюда туркестанских генерал-губернаторов, если среди них не было ни одного востоковеда?

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман прибыл в Туркестанский край в 1867 году после службы в Виленском округе, где боролся с влиянием польской шляхты, за что и был отстранен от должности и фактически сослан в этот неведомый для него регион. Парадокс и в том, что хотя фон Кауфману и был дан царем карт-бланш в действиях, но фактически центральные ведомства очень часто блокировали ряд его инициатив. В частности, в 1873 году фон Кауфманом было подготовлено «Положение по управлению Туркестанским генерал-губернаторством», однако оно не было утверждено центральными ведомствами по разным причинам аж до 1886 года. В 1886 году комиссия под руководством графа Игнатьева в Петербурге утверждает наконец-то этот очень важный документ для жизни Туркестанского края, но большинство чинов админист-

¹ Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 2016. С. 9.

рации генерал-губернаторства впоследствии выражает мнение, что на самом деле документ абсолютно далек от реалий этого сложного региона и был подготовлен спонтанно людьми, далекими от жизни региона. Туркестанское генерал-губернаторство пользовалось этим «Положением» до 1917 года. В своих воспоминаниях об этом пишет руководитель Канцелярии туркестанского генерал-губернаторства в начале XX века Г.Федоров¹.

В своих отчетах о ревизии Туркестанского края, подготовленных и опубликованных сенатором графом К.К. Паленом в 1910 году, приводится таблица посещения областей края туркестанскими генерал-губернаторами, из которой следует, что руководители края на самом деле очень плохо знали жизнь на местах².

В 1898 году после Андижанского восстания под руководством ишана Мадали туркестанским генерал-губернатором был издан указ, в котором отмечалось, что, по данным проведенных опросов, большинство чинов администрации разного уровня, оказывается, не знакомы с местными условиями, с основами ислама, что в конечном счете приводит к многим негативным последствиям и недоразумениям в отношениях с местным туземным населением. Было решено издать сборники по исламу для ознакомления чиновников. Был так же подготовлен доклад «Ислам в Туркестане» от имени туркестанского генерал-губернатора Духовского. В этом докладе вкратце был представлен экскурс в историю распространения ислама на территории Российской империи. Ключевой позицией доклада являлся вывод: на самом деле ислам является «язвой на теле Российского государства, и с ним надо вести непрерывную борьбу». Примечательно, что доклад был подготовлен востоковедами, которые проживали длительное время в Туркестане и являлись фактическими советниками руководства краевой администрации. В докладе предлагался ряд репрессивных мер против исламских религиозных деятелей Туркестана. Надо «поблагодарить» центральные ведомства, которые не дали хода таким безумным «проектам». Чем все это могло закончиться, не трудно представить³.

Естественно, события, происходившие в центре, через определенное время проецировались на окраины империи. Межведомственная борьба центральных учреждений за лоббирование собственных интересов на окраинах Российской империи (в нашем случае между МВД и Военным ведомством. — Ш. М.) естественным

¹ Федоров, Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 11. Ч. 9–12; Туркестанский сборник. Т. 559.

² Пален К.К. Краевое управление. СПб., 1910. С. 56.

³ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917 гг.). Ташкент, 2013. С. 110.

образом сказывалась на общем состоянии этих регионов и вела к общему ослаблению социально-экономического состояния страны. Если сравнивать, каким образом проходила колонизация Российского Туркестана и, например, английская колонизация Индии, статистика будет весьма красноречива.

Показателен тот факт, что при 6-миллионом населении Туркестана Российская империя держала в регионе 50 тысяч войск. Англия же держала в Индии 45 тыс. войск при 200 млн населения. Естественно, что формы и методы колониального правления двух стран имели коренные отличия. И это должно быть предметом дальнейших исследований.

Один из сложных вопросов — отражение проблем колониального и советского прошлого в школьных учебниках. Необходимо учитывать, что Российское государство, придя в регион, принесло с собой новый цивилизационный порядок. Естественно, что это был и технически, и организационно гораздо более высокий уровень государственного устройства, так как усилия Петра I по переводу России на европейский путь развития дали колоссальные результаты. Российская империя после завоевания Средней Азии приносит в регион последние достижения науки и техники. Однако все это было сделано в интересах развития именно экономики Российского государства. Вместе с тем благодаря строительству железных дорог жители региона получили возможность путешествовать и сравнивать уровень развития многих стран. В целом Туркестанское общество становится полиэтническим и многоконфессиональным, что в целом было положительным событием. Регион благодаря таким изменениям выходит из спячки. Многовековые традиции толерантности Великого шелкового пути, закрепившиеся на генетическом уровне, позволили жителям региона сосуществовать с представителями многих этносов и конфессий, приехавшими на проживание в их край. Местные народы стали многому учиться и брать все самое новое и полезное из российско-христианской цивилизации (правда, отнюдь нельзя назвать полезным употребление алкоголя). И все эти «тонкие» моменты, естественно, должны быть отражены в школьных учебниках. Можно ли говорить в этих учебниках положительно об имперском центре, что с точки зрения национальной идеологии абсурдно? Есть ли в школьных учебниках антиимперские настроения относительно рассматриваемых периодов? Естественно, есть. Есть ли в этих учебниках русофобские настроения? Однозначно, нет. Государственная политика Узбекистана направлена на межнациональное согласие и толерантность. Любые националистические действия жестко пресекаются на корню. Жители городов Узбекистана при желании могут смотреть российское телеви-

дение в полном объеме. В стране нет националистических партий и движений, нет такого позорного явления, как скинхеды. Молодежь, и в целом население страны настроены очень политкорректно. Большую роль в воспитании молодого поколения играют, естественно, школьные учебники. Надо признать, что им еще далеко до совершенства. Однако, как показывает информация в Интернете и СМИ, такие проблемы волнуют наших коллег во всех постсоветских странах. И в первую очередь — разработка методологических принципов исторических исследований, особенно при освещении колониального и советского периодов в истории наших стран.

Не все так просто, а даже очень сложно

В период горбачевской оттепели историки Узбекистана разделились на два основных лагеря по вопросу о нахождении территории Средней Азии в составе Российской империи. Одна из позиций основывалась на установившейся в советское время идее о «добровольном вхождении» этих территорий в состав Российского государства. Вторая — на том, что никакого добровольного вхождения не могло быть, так как свободолюбивые народы Средней Азии, исповадовавшие ислам, не могли войти добровольно в состав христианского «государства-монстра», которое в течение последних 300 лет фактически занималось только завоеванием новых территорий. Естественно, что накопившаяся за все годы российского и советского правления неприязнь ко всему имперскому, представшему в различных ранее невиданных облициях, нашла свой выход в отрицании всего, в том числе и положительных моментов, произошедшего с народами Средней Азии за прошедшие 150 лет, особенно среди национально-патриотической интеллигенции республик Средней Азии.

После распада Советского Союза огромное количество архивного материала, ранее закрытого, «обрушилось на головы» историков, и они, не задумываясь, а может быть, и даже наоборот, хорошо подумав, направляют большое количество «необработанного сырого» материала на суд массового читателя, трактуя события в удобном для себя направлении¹.

Главное, на наш взгляд, была потеряна тенденция освещения исторических событий в их развитии, то есть в динамике. Выдергивание тех или иных фактов из общего контекста исторического материала

¹ Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 2016. С. 16.

создало «кастрированную» историю. Могу поспорить с любым желающим, что на территории современного постсоветского пространства нет народа, который был бы доволен освещением его национальной истории. В конце 90-х годов появляются труды, в которых в освещении событий второй половины XIX века проводится такая идея: «Россия принесла в отсталый Туркестан европейскую культуру и капиталистические отношения, подняла народы региона на более высокий уровень развития, и непонятно, почему они до сих пор недовольны этим, и вообще, почему захотели независимости». В ответ на это обидное для независимых стран Центральной Азии высказывание формируется другая, «оборонительная», позиция, которая отражает взгляды национальных историков в постсоветских странах и целиком отрицает этот «колониальный» период, считая, что ничего хорошего в это время не произошло. Наверное, истина, как всегда, посередине.

Создалась парадоксальная ситуация. Вчерашние, «братья-соседи» по стране находятся в едином пространстве, называемом СНГ, но в то же время находятся на разных идеологических позициях. Понадобилось немного времени, и все стали искать в истории факты своего величия и исключительности. Нормальным явлением стала национальная мифологизация исторического развития.

Работа над архивными материалами, освещающими так называемый «колониальный период» (1865–1917 годы), позволяет прийти к выводу, что образы «врага» и «друга» постоянно присутствуют рядом. Без толкования в этом ключе не обходится вообще ни одно освещение исторических событий. Но для того чтобы разобраться в конкретном историческом эпизоде, в первую очередь необходимо владеть архивным материалом. К сожалению, изучая некоторые работы, заметил определенную закономерность. Архивные материалы эти «горе-исследователи» рассматривают не в последовательном развитии, а по большей части выборочно, выдергивая из этих интереснейших документов некоторые факты и «фактики», и затем уже выстраивают из этих разрозненных фактов научную концепцию. Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера такое распространенное мнение, что царская Россия «беспощадно» вывозила сырьевые ресурсы из завоеванных колоний. Из Туркестанского генерал-губернаторства вывозился хлопок-сырец и другое ценное сырье. Но при ближайшем рассмотрении архивных источников и исследовании трудов того периода выясняется, что хлопок-сырец закупался у населения торговыми фирмами, то есть население его продавало добровольно, а государство вообще старалось не вмешиваться в эти процессы¹. Другое

¹ Гейер И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 337.

дело, что дехкане страдали от ростовщиков и перекупщиков, которым фактически доставалась львиная доля прибыли от многомиллионных сделок с хлопком. Отсюда вытекает вывод, что Российской империей руководили далеко не глупые люди. Тезис о том, что российские империалисты хотели оставить после себя на завоеванных ими пространствах территорию «выжженной земли», абсолютно не выдерживает никакой критики. Каждый находившийся у власти, тот ли иной российский император, всегда, обращаясь ко вновь завоеванным или присоединенным народам и племенам, на протяжении всей истории России говорил, что он рад принять новых поданных под свое «крыло», и с этого дня он считал их своими «детьми». Однако это не мешало царю-батюшке и его чиновникам преследовать евреев и принимать против них негуманные законы. Например, в Туркестанском генерал-губернаторстве были приняты следующие законы: «Закон о черте оседлости», разрешающий расселяться евреям в определенных областях и городах края¹. Второй закон был секретным и назывался «О пресечении вредной деятельности евреев с целью препятствий эксплуатации последними местного населения»². Немало слез пролили матери и жены бухарских евреев, обращаясь к самому царю с просьбой отменить первый из законов, который практически вынуждал их возвращаться в Бухарский эмират, где они находились в тяжелом положении. Фактически закон так и не был отменен. Так что, обращаясь к историкам, которые хотят доказать, «колониальную» сущность российского правления, рекомендую подбирать более продуманно реальные факты, а не «притягивать их за уши». Тем более что их более чем достаточно.

Сделаю еще одно необходимое отступление-пояснение. Например, автору статьи, для того чтобы изучить в достаточной степени царский период истории Туркестана, пришлось, работая в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, изучить очень ценные архивные материалы из фонда И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства», в котором находится более 31 000 единиц хранения. Естественно, что весь этот океан документов невозможно изучить полностью. И это только один из фондов, а таких фондов десятки. Однако не будет у современного исследователя представления о рассматриваемом периоде, если он не познакомится с «Туркестанским сборником», в котором 594 объемных тома содержат уникальные научные произведения, а также газетные и журнальные статьи, опубликованные в России и за ее рубежами, посвященные Средней Азии и

¹ ЦГА РУз, Ф. И-717. Оп. 1. Д. 10. Л. 653.

² Там же.

освещающие период второй половины XIX — начала XX века. Необходимо поблагодарить господина Межова, который начал это добросовестно делать, и господина К.П. фон Кауфмана, который его попросил об этом и профинансировал. Отдельно также необходимо изучить труды современников и мемуарную литературу, которые не вошли в «Туркестанский сборник». Вот после того, как вы познакомитесь со всеми этими уникальными творениями истории, добро пожаловать в клуб знатоков и любителей истории Туркестанского генерал-губернаторства, так как теперь вы сможете квалифицированно об этом периоде размышлять и писать.

Вернемся к рассмотрению наиболее сложных и спорных тем из истории рассматриваемого нами периода. Нельзя отрицать тот факт, что в Среднюю Азию была принесена прогрессивная европейская культура стараниями выдающихся российских ученых и деятелей культуры. Но были ли способны народы, населявшие этот регион и исповедовавшие ислам в течение более тысячи лет, за короткий срок воспринять чужую для них христианскую культуру. Революционными методами, к сожалению, культура не прививается. Российские администраторы за очень короткий срок хотели «русифицировать» местное среднеазиатское население через школьное образование. Однако за весь период деятельности русско-туземных школ их оканчивают всего лишь нескольких тысяч человек, из которых русский язык в совершенстве знают не более сотни¹. Приехавшие в начале XX века в Туркестан деятели народного просвещения России, «забраковали» метод обучения русскому языку местных детей, основателем которого являлся директор народных училищ С.М. Граменицкий. Сделан был категорический вывод о том, что дети «туземцев» изначально обучались по неправильному методу, который в Европейской России давно уже был отменен, и что по этому методу вообще невозможно изучать русский язык. В Туркестанском генерал-губернаторстве никак не отреагировали на эти замечания, и на протяжении 40 лет местные дети обучались русскому языку по ошибочной методике. Тем не менее в начале XX века эволюционный процесс и пример русских учебных заведений в крае начали давать свои плоды. В Туркестане начинают открываться мусульманские новометодные школы и медресе, где, в отличие от узкоконфессиональных исламских старометодных мак-

¹ См.: *Мухамедов Ш.Б.* Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). Ташкент: «Baktria Press», 2013. С. 203.

табов¹, начинают преподаваться светские науки. Необходимо также сказать о том, что некоторые слои местного населения, а в особенности прогрессивная национальная интеллигенция, стремились изучать русский язык и приобщиться к русской культуре. Но, как мы видим, отсутствие добротных учебных пособий, написанных по правильным методикам, сыграло свою отрицательную роль. В начале XX века популярными становятся частные курсы по изучению русского языка, будучи более эффективными и основанными на передовых для своего времени методах обучения.

Можно ли считать С.М. Граменицкого врагом просвещения «инородцев» или здесь сыграло решающую роль самомнение деятеля народного просвещения Туркестанского края? Надо учесть и тот факт, что С.М. Граменицкий, прожив в регионе 40 с лишним лет, так и не изучил местные языки и не знал арабской графики. А ведь он ежедневно сталкивался с местным населением — детьми и их родителями. Специалисты поэтому указывали, что так называемый «натуральный» метод изучения русского языка по Граменицкому не требовал от учителей русско-туземных школ, преподававших русский язык для «инородцев», знания местных языков. Местным детишкам преподавали русский язык, не используя при этом их природный (родной. — Ш. М.) язык, так как Граменицкий считал эти языки несформировавшимися. Как мог ребенок выучить иностранные слова, если он их предварительно не переводил на свой «природный» язык². Налицо то ли «враги», то ли «друзья». Одни, слабо изучив русский язык, после окончания школы его практически забудут. А вторые, то есть учителя, которые не знают местных языков и не стремятся в своем большинстве их изучить, так как это языки «малокультурных сартов³ и киргизов⁴», и которые, по их мнению, им в жизни не пригодятся. Налицо огромная пропасть между завоевателями и покоренными, которая практически в силу ряда обстоятельств так и не сократилась в колониальный период. Благодаря этим и другим фактам, о которых будет сказано ниже, местные народы и переселившиеся сюда европейцы, так и не сблизились.

¹ Проект Всеподданнейшего Отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 429–430.

² Использованы данные из архивных источников Центрального государственного архива Республики Узбекистан, фонда И-47 — «Учебное дело в Туркестанском генерал-губернаторстве».

³ Сартами назывались узбеки и таджики, а так же вообще земледельческое население Средней Азии.

⁴ Киргизы — современные казахи. Каракиргизами, или дикокаменными киргизами, назывались современные киргизы.

Однако не только «дурной» пример заразителен. Местные народы, проживавшие вдоль старой континентальной трассы Великого шелкового пути, всегда были толерантными по отношению к представителям других народов и религиозных конфессий. Вообще при изучении царского периода в истории Туркестана создается впечатление, что местные народы с интересом восприняли все новое, что было принесено в регион российскими людьми. Благодаря тому, что города Туркестанского генерал-губернаторства начинают разделяться на две части — европейскую и азиатскую, становится очевидной огромная разница в облике этих частей не в пользу азиатской. Русские части городов становятся более благоустроенными и красивыми благодаря современной европейской планировке улиц, и большому выделению денег из городского бюджета. Одежда европейцев начинает привлекать местных модников, в первую очередь мужчин, а затем и женщин. Предметы европейского быта начинают все увереннее использоваться в домах состоятельных «туземцев». Конечно же, все познается в сравнении. И это сравнение было не в пользу Востока. Постепенно европейский образ жизни начинает все больше привлекать и сближать местное население с приехавшими из Европейской России людьми. Мусульманское духовенство, которое своевременно было нейтрализовано царской администрацией, ничего не смогло сделать против открытия в городах Средней Азии кабаков и публичных домов. Естественно, это не способствовало укреплению авторитета русской власти. Однако народы, населяющие регион, всегда из происходящих перемен выбирали все самое лучшее.

Есть один очень важный момент, на который исследователи почему-то не очень обращают внимание. После завоевания Средней Азии Российской империей Туркестанское генерал-губернаторство входит в правовое пространство Российского государства. То есть регион начинает жить по имперским законам. Это, в свою очередь, не означало, что начинается правовой беспредел. Наоборот, ряд имперских организаций следят за исполнением законности на вновь завоеванных территориях. В своей основе законы были гуманными, основанными на христианской морали. Однако их исполнение тяжеловесной бюрократической государственной машиной доводит благие дела нередко до абсурда. Даже К.П. фон Кауфман — первый начальник края (1867–1882 гг.), которому были даны большие полномочия российским императором, в результате чего в народе он получил звание «ярим-подшо» (полуцарь), нередко был зависим от имперских ведомств и не мог проводить вполне самостоятельную политику. В 1886 году, уже после смерти «устроителя Туркестана» фон Кауфмана, было принято новое «Положение

по управлению Туркестанским краем»¹. В краевом правлении с большой надеждой ожидали этот документ. Но получилось с точностью до наоборот. Один из руководителей канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, Г.П. Федоров, проработавший 36 лет в Туркестане, в своих воспоминаниях о комиссии под руководством графа Игнатъева, которая разрабатывала это положение, приводит шокирующие факты². Комиссия работала в Санкт-Петербурге, и туда были приглашены специалисты из Туркестана и центральных ведомств империи. Решалась судьба Туркестанского генерал-губернаторства с перспективой на десятилетия. Большинство членов комиссии, по словам Федорова, характеризовалось полным незнанием условий нового края³. Из-за некомпетентности этих высокопоставленных чиновников «было выработано положение, которое при первом же применении на практике оказалось никуда не годным»⁴. Федоров, лично присутствовавший на заседаниях указанной комиссии, с сожалением пишет, что была совершена крупнейшая ошибка. Отрицательные последствия принятого Положения от 1886 года сказывались на протяжении долгих лет. Сразу после принятия «Положения», пишет Федоров, «началось неизбежное издание разъяснительных циркуляров, посыпались представления в Петербург о законодательной отмене, дополнении или изменении неприменимых на практике статей нового положения; Совет генерал-губернатора был буквально завален работой по рассмотрению жалоб губернаторов. В конце концов коренной закон для Туркестана, обратившийся в какое-то одеяло из лоскутов, действует и поныне»⁵ (1913 г. — III. М.). Как мы видим, основное «Положение», по которому управлялось Туркестанское генерал-губернаторство вплоть до 1917 года фактически не устраивало краевое руководство тем, что рождало в регионе ведомственную неразбериху. В этой связи власть туркестанского генерал-губернатора оказывалась номинальной. Было немало случаев, когда решения начальника края отменялись по соображениям тех или иных министерств. Большинство чиновников царской администрации, ссылаясь на положение от 1886 года, говорили о потере авторитета русской власти у «туземного» населения.

¹ С 1867 по 1886 год Туркестанское генерал-губернаторство управлялось по «Положению по управлению Семиреченской и Сырдарьинской областями», которое практически не соответствовало реалиям в Туркестанском крае. Но все это до поры до времени компенсировалось относительной самостоятельностью К.П. фон Кауфмана.

² Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. СXXXV. С. 444.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 444–445.

Еще один из важных аспектов слабости имперской власти в Туркестане — ее кадровая политика. В край направлялись не всегда достойные чиновники разного уровня. Но в целом большинство вели себя как временщики. Мало того, что кадры, направляемые в Туркестан, не всегда имели даже среднее образование, они, кроме того, абсолютно не хотели изучать местные языки и не разбирались в вопросах ислама. Опять-таки этих людей разделяла огромная пропасть с местным населением перенести сюда. Незнание местных языков, бытовых условий жизни среднеазиатских народов со стороны чиновников царской администрации вело к обоюдному невосприятию друг друга. Великодержавный шовинизм, проявляемый повсеместно и повседневно российской элитой и другими слоями приехавшего в край европейского населения, вызывал у народов Средней Азии чувство глубокой обиды. Об этом подробно пишут современники тех событий¹.

Назначение туркестанских генерал-губернаторов во многих случаях не поддавалось никакой логике. Очень часто назначаемые в Туркестан генерал-губернаторы не имели никакого представления об этом регионе². Уезжали отсюда, так и не познав по-настоящему ни края, ни его населения.

В период с 1900 по 1917 год в Туркестанском крае сменилось 9 генерал-губернаторов³. Ревизовавший Туркестанский край в 1907–1909 годах К.К. Пален в своем отчете на имя императора Николая II пишет о том, что большинство назначенных в Туркестан начальников края никакого следа здесь не оставили.

Многое объяснялось, по мнению Палена, незнанием генерал-губернаторами жизни Туркестанского края.

Личности туркестанских генерал-губернаторов, их отношение к местным народам имели решающее значение, их поездки по областям края позволяли им узнавать, чем живут простые люди, какие проблемы их беспокоят, и в целом определяли их политику в отношении местного населения.

Вот что пишется по этому поводу в отчете ревизии графа Палена: «Поездки генерал-губернаторов по Высочайше вверенному им краю

¹ См.: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912.

² *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. СXXXIV. С. 468.

³ С.М. Духовской (1898–1901 гг.), Н.А. Иванов (1901–1904 гг.), Н.Н. Тевяшов (1904–1905 гг.), Д.И. Суботич (1905–1906 гг.), Н.И. Гродеков (1906–1908 гг.), П.И. Мищенко (1908–1909 гг.), А.В. Самсонов (1909–1914 гг.); В.Е. Флуг (1912–1914 гг.); Ф.В. Мартсон (1914 — октябрь 1915 г.) назначен «Временным туркестанским генерал-губернатором»; А.Н. Куропаткин (1916–1917 гг.).

вследствие их кратковременности и посещения только крупных центров (главным образом областных городов) могли дать лишь мимолетные путевые впечатления: своеобразная же жизнь каждой области с ее насущными живыми интересами оставалась малоизвестной Главным начальникам, и поэтому они были поставлены в необходимость знакомиться с ней только путем канцелярским¹. Незнание реальной обстановки на местах приводило к ряду крупных промахов со стороны чинов российской администрации разных уровней в Туркестане, что вело к обострению взаимоотношений между властью и местными народами.

Вопросы конфессий и народностей

Бомба замедленного действия была заложена и в межконфессиональной сфере самим законодательством Российского государства. В Туркестанском генерал-губернаторстве фон Кауфманом была объявлена политика «игнорирования» ислама. То есть подразумевалось, что власти не будут вмешиваться в религиозные дела мусульманского населения. На самом деле не вмешиваться не получалось, но делалось это различными «обходными маневрами», и не всегда удачными.

Надо признать, что Туркестанское генерал-губернаторство, находясь в ведении Военного министерства, от этого только выиграло. Если бы край подчинялся МВД, здесь могло быть «наломано столько дров», что мало бы не показалось. Организация и деятельность Туркестанского охранного отделения в 1907 году является тому наглядным подтверждением.

Естественно, что православная церковь в Российском государстве являлась главенствующей. Представители других конфессий находились по сравнению с нею в более ущербном положении. Вот что было установлено законом о религиях: «В пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным»². К чему приводит такое отношение к другим конфессиям, можно проиллюстрировать рядом малоизвестных фактов.

¹ Пален К.К. Краевое управление. СПб., 1910. С. 56.

² Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы Духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. С. 9.

При изучении архивных материалов, в которых освещаются межконфессиональные взаимоотношения в Российском Туркестане, бросается в глаза вопиющая несправедливость. Мусульманские учебные заведения (мактабы и медресе) в крае находились на самофинансировании, вакуфы, их подпитывавшие, были фактически нелегитимны¹. Все российские учебные заведения в регионе содержались за счет казны, а точнее — за счет местного бюджета. Уроки «Закона Божьего» для детей православных христиан так же финансировались за счет казны.

В начале XX века к туркестанским генерал-губернаторам обращаются представители армяно-григорианской, лютеранской, римско-католической церквей с просьбой разрешить проведение уроков «Закона Божьего» их законоучителям, «так как дети их вероисповеданий на уроки православного законоучителя не ходят»².

Были еще две просьбы. Разрешить вести уроки законоучителю на природном (родном. — *Ш. М.*) языке учащихся и платить законоучителю за труд за счет государства³.

Вопрос о языке преподавания был Высочайше утвержден Положением Комитета министров от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости»⁴. Вопрос оплаты государство возлагает на сами учебные заведения. Но так как учебные заведения Туркестана в экономическом отношении были не в лучшем положении, платить за уроки «Закона Божьего» в правительственных школах пришлось родителям перечисленных христианских конфессий из собственного кармана⁵. Особенно недовольны были таким положением представители армянского общества в Асхабаде, так как на Кавказе в учебных заведениях оплата законоучителя армянского «Закона Божьего» производилась за счет государства⁶.

Такая же несправедливость проявлялась властями в отношении постройки культовых сооружений различных религиозных конфессий.

При строительстве храмов в Ташкенте и в других местностях Туркестанского края большое значение имела личная заинтересованность руководителей краевой администрации и областей. Так именно из-за несогласия фон Кауфмана «потерпело неудачу первое прошение

¹ Мухамедов Ш.Б. Совет туркестанского генерал-губернатора и определение стратегии и тактики в решении вакуфного вопроса (1887–1917 гг). Причины фиаско // «Метаморфозы истории». Научный альманах Псковского государственного университета. № 6. 2015. С. 266–297.

² ЦГА РУз, Ф. И-47. Оп 1.Д. 781. Л. 1–28.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 24.

ташкентских католиков¹ о строительстве каплицы (небольшой церкви), причем тот же генерал-губернатор содействовал возведению в Ташкенте лютеранской кирхи»².

Туркестанский генерал-губернатор А.В. Вревский и его преемник С.М. Духовской, напротив, помогли в продвижении в высшие инстанции ходатайства о постройке каплицы. Личное отношение начальника Закаспийской области видно и в деле о постройке асхабадского костела³.

Заключение

Российская империя постепенно переходит в этот период к более высоким экономическим отношениям — капиталистическим. Именно эти изменения приводят страну к могуществу и к возможности присоединять другие территории.

Новые, капиталистические отношения были привнесены и на территорию Туркестанского края, где уже экономически деградировали три феодальных ханства. Постоянные междоусобные войны между Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами ослабляли экономику государств Средней Азии и тяжелым бременем ложились на трудовые слои населения. Отсталое экономическое положение сказывалось и на развитии просвещения и культуры. Реально по содержанию это был больше эволюционный процесс, нежели революционный.

Впрочем, вопрос взаимоотношения независимых республик Центральной Азии и России в целом не потерял своей актуальности и на современном этапе. Однако для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, необходимо тщательно изучить архивные материалы, в которых можно найти ответ на сложнейшие вопросы и настоящего времени.

Приведенные факты можно проецировать на весь период взаимоотношений народов Центральной Азии с Российской империей и нахождения в составе СССР. Построение социалистического строя в рамках одного государства и связанные с этим процессом «триумф и трагедия» многих народов и поколений этой страны довольно уникальны в смысле полученных уроков и исключения их повторения. Создание совместных трудов исследователями стран СНГ по различным проблемам истории может дать возможность по-новому взглянуть на сложнейшие периоды нашего прошлого и понять друг друга.

¹ К.П. фон Кауфман стал отрицательно относиться к католическому духовенству после годичного пребывания на посту Виленского генерал-губернатора в 1865–1866 годах.

² Спиридонова Л.А., Заславская В.Б. Католики в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998. С 215.

³ Там же. С. 215.